

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Расплатиться свинцом

«Научная книга»

Серова М. С.

Расплатиться свинцом / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Серова

Расплатиться свинцом

Глава 1

Бывший босс позвонил мне рано утром. Спросонья я успела похвалить себя за то, что провела второй аппарат в свою комнату, чтобы не беспокоить звонками тетушку: наши режимы дня несколько разнились.

Если очередной детектив, который читала Мила, был не больше двухсот страниц, тетушка проглатывала его часа за три и к полуночи уже видела первый сон. Я же иногда укладывалась лишь под утро, предпочитая сны наяву: проводила время за видеком.

На второй год жизни в этом городе – областном центре на Волге, который после суматошной, но безотказной для любых желаний Москвы, стал казаться очень тихим и уютным, – у меня нашлись хорошие знакомые, которые могли достать любой фильм любого режиссера, даже только что вышедший из монтажной.

Правда, еще тепленькие фильмы были без перевода, но с языками у меня проблем не было – как-никак за плечами несколько лет элитарного московского вуза, под завязку набитого детьми военачальников, причем детьми исключительно женского пола – такая уж специфика.

Итак, глаза я продрала в шесть утра. Господин Симбирцев, с которым я не виделась несколько месяцев, после того, как некоторое время проработала у него телохранителем, решил меня осчастливить. Разумеется, так, как он это понимал в силу своей ментальности.

– Я слышал, Женечка, что у тебя проблемы с работой, – проворковал он в трубку, – а у меня как раз друзья нуждаются в определенной помощи. Разумеется, я сразу же вспомнил о тебе. Подробности сейчас или при встрече?

Какое там сейчас!

У меня в башке «Титаник» под воду уходит и винтами дрыгает, а он тут про подробности. Вчера я действительно засиделась за просмотром очередного голливудского проекта. Фильм не Бог весть какой, но «Оскара» точно получит, как я понимаю, для того и делался.

– Сейчас не могу и не хочу никаких подробностей, – с трудом расклеивая губы, проговорила я. – И вообще, когда я у тебя работала, то начинала в семь. Ты что, стал включаться на час раньше?

– А как же! – радостно отозвался Симбирцев. – Я же теперь депутат. В облдуму прошел, причем не без твоей помощи. Так что дел по горло.

Не без моей помощи! Можно подумать, я за него листовки раскидывала и интервью пристраивала. Всего-то навсего вытащила его пару раз с того света. Кое-кто имел большой зуб на Симбирцева, и именно с бывшего босса началась моя карьера телохранителя. Работу свою я выполнила на совесть, благо профессиональная подготовка к этому вполне располагала.

Симбирцев был мной более чем доволен и всячески рекомендовал меня своим друзьям. Я забросила уроки английского, которыми зарабатывала на жизнь, и переключилась на охрану ценных грузов – неодушевленных и одушевленных. Первые представляли собой увесистые кейсы, набитые черт знает чем, вторые – хилых бизнесменов с цепурами вокруг шеи и их нервных супругов.

Не могу сказать, чтобы я получала удовольствие от этой работы, но платили за нее достаточно прилично, требовались мои услуги не столь уж часто, так что драгоценного времени для просмотра голливудских новинок у меня было вдоволь, а вы сами знаете, с какой скоростью эти ребята штампуют свои фильмы.

И вот теперь я снова кому-то понадобилась. Что ж, назвался груздем...

– Тогда давай встретимся, – снова раздался в трубке голос Симбирцева.

Черт, а ведь к этому моменту я уже успела на секунду задремать, так что мне пришлось снова припоминать, что же этому новоиспеченному депутату от меня нужно. Ах да, охрану для друзей. Наверное, таких же ранних «жаворонков», как сам Симбирцев.

– Где и когда? – хмуро спросила я, нашаривая на столе карандаш.

Симбирцев назначил встречу в кафе «Ястреб» на полдень. Обещал повышенную оплату и сказал, что дал мне самые блестящие характеристики.

– Угу, – хмыкнула я. – Буду. Спокойной ночи. То есть с добрым утром.

И повесила трубку. Но весь сон, однако, как ветром сдуло. Проклятый Симбирцев, чтоб ты провалился! Или, лучше, чтобы собратья депутаты провалили какой-нибудь твой законопроект!

* * *

Симбирцев с каким-то смурным типом уже глушили текилу в «Ястребе», когда я распахнула стеклянную дверь кафе и прошла внутрь.

– А вот и наша Женечка! – радостно воскликнул Симбирцев, толкая в бок своего приятеля.

Тот воззрился на меня с явным недоверием. Так смотрят на вошедшую в комнату чахлую левретку, когда ожидали появления сенбернара.

– А ты ничего не перепутал? – повернулся к Симбирцеву рябоватый атлет. – Я же тебя просил человека для сопровождения особо ценного груза.

Со мной этот тип даже не удосужился поздороваться. Я тоже решила не сдавать позиции первой и спокойно присела за столик, заказав у тотчас же подскочившего официанта двойной кофе.

– Ну да, – подтвердил мой бывший босс. – Перед тобой суперпрофессионал. Женя стоит дюжины шкафов из любого охранного агентства.

– Я никому не доверяю, – буркнул рябоватый таким тоном, будто все население земного шара уже несколько лет тщетно пыталось войти к нему в доверие. – Особенно этим типам из наших агентств.

Он снова посмотрел на меня и только хмыкнул, помассировав затылок.

– Один раз я уже пользовался их услугами. Больше не хочу. Содрали кучу бабок, а сами потом настучали в налоговую. Нет уж, с меня хватит.

– Вот я и рекомендовал тебе свою бывшую сотрудницу, – сказал Симбирцев. – Ты не смотри, Вася, что она такая худенькая да щупленькая. Женя, помнится, при мне такое выделяла...

Рябой Вася понимающе кивнул и при этом похотливо осклабился. Очевидно, он понял слова Симбирцева совсем в другом смысле.

– А мне не надо, чтобы она это... выделяла... – мрачно отозвался Вася. – У меня свой контингент сотрудниц на этот предмет имеется. Мне надо обеспечить безопасность и сохранность груза.

– Вася! – укоризненно посмотрел на него Симбирцев. – Моя протезе обеспечит тебе и безопасность, и сохранность, и конфиденциальность. Ведь ты не стал бы обращаться ко мне, если бы мог обойтись силами своей команды, правда? Значит, тебе нужен кто-то особенный. Вот и получай Женю, она все сделает в лучшем виде.

Обычно я не включаюсь в подобного рода препирательства, но тут во мне разыгралась профессиональная гордость, и я не стерпела подобного обращения – этот убогий Вася в упор отказывался воспринимать меня всерьез.

– Похоже, я должна вас кое в чем убедить. Давайте проведем небольшой эксперимент, – предложила я. – Сейчас у нас начало первого. Скажем, с трех до шести я буду передвигаться по городу вот таким маршрутом.

И, пододвинув к себе салфетку, я набросала хронометраж своих перемещений.

– Значит, так, – продолжала я. – При мне будет какой-нибудь предмет. Лучше, если вы мне его дадите сами – пусть это будет что-то не очень громоздкое. В шесть мы встречаемся здесь же. Если кто-либо из ваших ребят сможет отнять эту вещь у меня, я проиграла. Если к шести часам я вручу вам этот предмет, то...

– То что? – проявил интерес Вася, недоверчиво улыбаясь.

– Какой гонорар вы обещали за охрану? – спокойно поинтересовалась я.

– Две косых «зеленю».

– То гонорар удваивается, – со скромной улыбкой предложила я.

Вася посуровел.

– Слабо?

– Слабо?! Мне?! Ну ты даешь, девка! Договорились, – выдохнул рябой.

Он полез в карман, достал оттуда массивный золотой портсигар и вручил его мне.

– С детства не доверяю женщинам, – услышала я его шепот уже у самой двери.

– Неужели? А как же твоя супруга? – спросил его Симбирцев.

– Ха, супруга! Ей-то не доверяю в первую очередь, потому что...

Но дверь уже захлопнулась, я оказалась на шумной улице и так и не узнала в тот раз, чем не угодила рябому Васе его собственная супруга. Впрочем, похоже, он действительно никому не доверял. Разве что – себе.

* * *

Я медленно шла по людной улице, изредка останавливаясь возле витрин дорогих бутиков. Маленькая стрелка часов уже подбиралась к цифре «четыре», а «хвоста» за мной до сих пор не наблюдалось.

Наверное, Вася решил перехватить меня на пустыре. Неужели он думает, что безлюдное место для этого подходит лучше всего? Никогда не соглашусь с такой банальной логикой. По мне так самые фантастические акции удобнее проворачивать именно среди толпы.

Электронные часы тихо пикнули. Я свернула с широкого проспекта на одну из улочек и углубилась по ней в сторону неясно маячащей в тумане горы.

Уже через два-три квартала городская застройка окончательно перестала радовать глаз и сменилась ветхими домишками, негодными уже и для ремонта. «Центр», как обозначали горожане пространство от набережной до рынка, закончился.

Та же самая улица, которая двадцать минут назад манила прохожих шикарными вывесками ателье и роскошными ювелирными магазинами, сейчас плавно перетекала в проселочную дорогу.

Направо и налево змеились совсем уж невзрачные тропки, которые трудно было бы назвать улицами. Впереди темнел овраг, через который был перекинут чахлый мостик. А на горизонте смутно вырисовывался мемориал павшим на войне, установленный рядом с мусульманским кладбищем, – высоченный граненый столб с подвешенными птичками, которые, очевидно, символизировали журавлей из известной в свое время песни. Макушку столба венчали сигнальные огни, призванные отпугивать пролетающие самолеты.

Периферийным зрением я отметила, что за поворотом к мосту неровная тень возле угловой хатки слегка уменьшилась. Так обычно бывает, когда прячущийся человек видит приближающийся объект и немного отступает назад – движение столь же произвольное, сколь и бесполезное.

«Интересно, сколько их там, один или двое?» – подумала я, опуская руку в карман и переводя электрошоковый кастет в рабочий режим.

Мой арсенал спецсредств за время проживания в этом городке значительно пополнился.

Оказывается, на центральном колхозном рынке по вполне сходной цене можно приобрести массу прибабасов – от банальных гранат до пластита и от стреляющих авторучек до дробиковидных снарядов быстрого инъецирования. Надо признаться, я неплохо пополнила свою коллекцию, оставшуюся у меня после расставания с отрядом «Сигма».

Жаль, конечно, что не вышло из меня Джеймса Бонда или, на худой конец, Никиты. Но я вовремя поняла, что меня ждет дальше, а быть бессловесной пешкой в чужой грязной игре как-то не хотелось.

Ага, меня, оказывается, стерегут с двух сторон – за оврагом дважды тускло мигнул фонарик. Похоже, рябой Вася решил всерьез проверить кандидата на сопровождение его сверхценного груза.

«Хотя, что там может быть такого уж сверхценного? – мелькнула в моей голове скучная мысль. – Доллары, наркотики, бриллианты. Обычное дело, рутина, можно сказать. Ладно бы там Рембрандт или...»

Но додумать я не успела.

Веселая игра-догонялка под названием «А ну-ка, отними» началась.

Человек, с которым я заключила пари, оказался чуть более крутым, чем я предполагала. До хватания за рукав и вырывания сумочки дело просто не дошло.

И действительно, к чему такие ухищрения? Когда можно просто сунуть в рожу ствол, и дело с концом. Очевидно, рябой Вася предпочитал действовать быстро и грубо. Интересно, каково было женщинам, которые имели с ним дело? Впрочем, это не так уж интересно...

Я завернула за угол (там никого не оказалось, наверняка карауливший меня человек в этот момент юркнул в подворотню) и, пройдя еще метров пять, стала подниматься к мосту. Впереди, под тусклым фонарем, уже вырисовывалась фигура второго парня. Что касается первого, то я могла даже не оглядываться – он и так вот-вот появится.

Все случилось, как я и предполагала. Ребята оказались экономными – как в смысле времени, так и в словах. Поистине, время – деньги.

– Сумку давай! – коротко произнес тот, что ждал меня на выходе с моста.

Парень протянул вперед левую руку. В правой он держал пистолет «макаров».

Я изобразила заинтересованность и оглянулась. В полусаге от меня стоял первый тип, тот, что прятался за углом, когда я сворачивала на мост.

Пожав плечами, я протянула человеку с пистолетом свою сумочку.

Он ее взял, открыл, перевел взгляд на меня и надолго задумался.

Раньше на железнодорожных путях висели всякие пугающие таблички на тему, что, мол, выиграешь секунду – потеряешь жизнь. Это, конечно, соответствовало истине, но в каком-то высшем смысле. А в конкретной реальности самоуверенность часто подводит даже крутых профи.

Впрочем, эти парни таковыми отнюдь не являлись. Иначе они не стали бы заикливаться на сумочке, а потребовали бы сразу портсигар. Хотя, конечно, и в таком случае им пришлось бы туговато.

Разумеется, я не исключала и вариант, что рябой Вася не сказал им, какой именно предмет надо изъять. Что ж, это его проблемы. Хорошо, если для ребят дело закончится без похоронных за счет фирмы.

Парень с моей сумочкой в руке застыл, словно изваяние, удивленно уставившись на меня.

Второй явно начинал нервничать, и я поняла, что он скоро потеряет терпение – сколько же можно смотреть на широко раскрытый рот и блеск любопытства в глазах приятеля. Ну секунд двадцать-тридцать...

Именно так выглядит человек, который получил дозу яда кураре – не смертельную, впрочем, но достаточно мощную, чтобы парализовать на время. Сам виноват: никогда не следует открывать сумочки людей, которых вы считаете опасными, – в застёжке может находиться малюсенький шип, который причинит вам массу неприятностей, если вы не знаете, как его отвести в сторону.

Парня так скрутило, что он не смог даже толком упасть, впрочем, может быть, ему мешала собственная мышечная масса – так и застыл часа на полтора, как столб, под желтым тусклым фонарем.

Я не стала испытывать в этот вечер расположение ко мне фортуны и, решив не дожидаться, пока второй расчихает, что к чему, вмазала ему сначала кромкой кисти по кадыку. Удар не смертельный, но весьма и весьма болезненный, учитывающий особенности мужской анатомии. В конце концов, я не виновата, что эта косточка так соблазнительно выпирает наружу, подчас просто хочется садануть по ней ладонью.

Глядя на задыхающегося парня, я подумала: «Нет, пожалуй, он может вот-вот очухаться».

Чтобы избежать такой возможности, я на всякий случай добавила электрошоковым кастетом – не зря же я его с собой таскала. Парень даже ничего не успел понять – его отбросило к перилам, которые он проломил своей тяжестью и рухнул в овраг.

Впрочем, там было не так уж и высоко – метров шесть, а внизу кучи песка. Наверняка отделается одним-двумя переломами.

Я осторожно вытянула из рук живого изваяния свою сумочку и, обойдя оцепеневшего парня, отправилась дальше по намеченному маршруту.

Как я и предполагала, больше меня в этот вечер никто не беспокоил.

* * *

Кафе «Ястреб» зазывно посверкивало огнями красно-зеленой рекламы: неуклюжая птица появлялась на фоне заходящего солнца и с промежутком в двадцать секунд расправляла крылья, собираясь взлететь. Затем изображение исчезало, и все начиналось по новой.

Птичка восемь раз проделала эту процедуру, пока я стояла на перекрестке. Когда я вошла в кафе, японская мыльница, стоявшая за стойкой у бармена, уже заканчивала рекламный блок и переходила к позывным «Европы-плюс», знаменующим начало нового часа.

Ровно в шесть, когда напряженный голос диктора стал выпаливать новости, я подошла к столику, за которым одиноко тосковал мрачноватого вида Вася.

Перед рябым заказчиком стоял наполовину пустой графинчик с водкой и разворошенный салат, типа «морская карусель». Пепельница была полна окурков.

Приветливо улыбнувшись, я нагнулась к Васе и потрепала его по плечу.

– Не скучали?

Будущий клиент молча скривился и, дернув плечом, смахнул мою руку.

Вася явно был не в своей тарелке. Похоже, ему уже успели доложить о провале операции «изъятие хозяйского портсигара у самоуверенной бабенки».

Значит, как подсказывала логика, человек с мелкими оспинками на лице испытывал в этот момент двойственные чувства.

Во-первых, он смог убедиться в профпригодности предложенной ему Симбирцевым кандидатуры – следовательно, мне можно довериться. Но в то же время я умудрилась переиграть его команду. Что конечно же «обидно и досадно», как пел некогда Высоцкий.

– Закажите кофе, – попросила я, присаживаясь напротив него за столиком.

Когда клиент исполнил мою просьбу, я вежливо поинтересовалась:

– Кстати, а как вас зовут? Мое имя вы ведь уже знаете – Женя.

Рябой мрачно молчал.

– Я слышала, что Леня Симбирцев величал вас Васей, – продолжала я. – Может быть, это секрет и не предназначалось для моих ушей... Впрочем, если вы не хотите представляться, то я не настаиваю.

– Василий Иванович. Довженко, – нехотя, словно через силу, выговорил Рябой.

Определенно, этот человек не привык проигрывать. И, что гораздо более важно, не умел правильно относиться к поражению. Короче, передо мной был типичный пример слабого «внутреннего воина», если употреблять термин, который я узнала во время тренинга в разведгруппе «Сигма», когда еще училась в московском спецвузе.

– Можете считать, что мы познакомились, – поджал он губы. – Где мой портсигар?

Я пожала плечами.

– У меня его нет.

При этих словах господин Довженко повел себя, как неисправный телевизор. Сначала он покраснел, потом побледнел, наконец его лицо стало какого-то непонятно землистого цвета, как у несвежего покойника.

Когда цветовая гамма себя исчерпала, настал черед звука. Наверное, Довженко хотел закричать, но вместо этого исторг из себя лишь яростный шепот:

– Как это нет?

– Да так, – пожала я плечами. – Нет, и все. Что тут непонятного?

– Ты что, потеряла его? Или продала? – прохрипел Довженко.

– Нет, вы сейчас сами...

– Ты представляешь, что с тобой будет? Этой вещи цены нет! Я же тебя уродкой сделаю! Ты вообще понимаешь, с кем сейчас говоришь?! Кому ты такое говоришь? – выпучив глаза, верещал Довженко.

– М-м... Должно быть, вы работаете в милиции, – предположила я.

– Уже нет! – яростно огрызнулся Довженко. – Так где портсигар, черт возьми?

– У вас, – просто ответила я. – Ваша вещь в данный момент находится у вас.

– У меня?!

– Ну да, в правом кармане пиджака, – уточнила я. – Можете убедиться.

Василий Иванович судорожно полез в карман, извлек оттуда портсигар и тщательно осмотрел. Удовлетворенный увиденным, он засунул его обратно и снова уставился на меня. На этот раз выражение его лица было вполне добродушным, даже игривым.

Подмигнув, он спросил:

– А вы часом не в цирке работаете, а? Вы ведь его сунули мне в карман, когда нагнулись надо мной, правда? Ну ничегошеньки не заметил! Слушайте, а если вы можете положить, то наверняка и вынуть сумеете так, что человек и ухом не поведет? Знаете что, у меня тут есть одно беспрюиришное дельце...

– Стоп-стоп-стоп, – прервала я его. – Давайте по порядку. Во-первых, не в цирке. Во-вторых, не сунула, а опустила. В-третьих, могу и вынуть, если понадобится. В-четвертых, я работаю только по профилю. Поэтому давайте вы не будете рассказывать про ваше беспрюиришное дельце, чтобы не забивать мне голову ненужной информацией, а лучше обсудим мою предстоящую работу, поскольку я выдержала ваш экзамен.

– Прямо как на допросе! – восхитился Довженко. – Ну ладно, Женя, давайте говорить по существу. У меня к вам такое предложение...

Обсуждение деталей предложения господина Довженко заняло оставшуюся часть вечера.

Я должна была сопровождать весьма ценный, по словам Василия Ивановича, груз.

Ровно в десять ноль-ноль мне надлежало прибыть на условленное место – в это же самое кафе. Уж и не знаю, чем «Ястреб» так угодил Василию Ивановичу, на мой взгляд – вполне втеросортное заведение.

Из «Ястреба» мы вместе с Довженко будем двигаться в его автомобиле в направлении объекта номер два, расположенного на окраине города. Там и находится груз, который необходимо транспортировать.

Целью назначения являлся объект номер три – здание в районе набережной.

Мои функции заканчивались, когда груз будет помещен в сейф, расположенный внутри объекта, помеченного номером третьим.

После того как дверь сейфа захлопнется, мне вручают обещанные четыре тысячи долларов наличными.

Конкретизировать расположение объектов номер два и номер три Василий Иванович наотрез отказался, мотивируя это соображениями безопасности.

Мне это не очень-то понравилось, так как я была лишена возможности заранее осмотреть эти объекты, но спорить не приходилось. Деньги мне сейчас были бы весьма кстати. Даже такая скромная сумма...

Удивительно, что на Западе люди умудряются идти на смертельный риск из-за куда более мелких гонораров. То ли жизнь там такая странная, то ли мы привыкли к широте и размаху – не знаю, не знаю.

Но на четыре тысячи баксов я могла бы спокойно просуществовать какое-то время. Пока не наклонится новый клиент...

– Не буду скрывать, что это очень опасное предприятие, – склонился ко мне Василий Иванович. – Понимаете, Женя, очень... И мне бы не хотелось, чтобы эта транспортировка была вашей последней акцией.

Я удивленно подняла брови.

В словах Довженко мне почудилась смутно выраженная угроза, и я пыталась сообразить, с какой стати он меня запугивает, если я собираюсь на него работать. Непонятная логика, честное слово.

Ах да, он же бывший милиционер! Наверное, это у них профессиональное...

– Только поймите меня правильно, – Довженко нагибался ко мне все ниже и ниже, – я хочу, чтобы завтра вы были на пределе своих возможностей. То, как вы отделали моих ребят, вызывает определенные чувства. Но я хочу, чтобы вы были на все сто один процент готовы к любым неожиданностям. Понимаете? К любым!

И он коснулся губами моей шеи. Губы были теплыми и шершавыми.

«Еще раз станет клеиться – врежу», – мысленно пообещала я себе.

Но Довженко, словно бы прочитав мои мысли, тут же отпрянул и строго произнес:

– Сначала – дело. Первым делом – самолеты. Ну а девушки...

Можно подумать, я возражала. Только вот насчет «потом» – это еще бабушка надвое сказала. Придется жестоко разочаровать Василия Ивановича.

Сразу же после получения гонорара, разумеется. Но ни секундой раньше.

* * *

Утро следующего дня выдалось на редкость отвратительным – густой туман перемежался жидкой моросью, солнце едва проглядывало из-за плотной завесы бело-серого киселя.

– Сегодня сильная магнитная буря, – предупредила меня тетушка Мила, заглядывая ко мне в спальню. – Или даже две. Может, останешься дома?

Людмила – моя родственница, у которой я жила после того, как мне пришлось покинуть Москву, – недавно побывала в больнице с воспалением легких и с тех пор стала не на шутку заботиться о здоровье, как своем, так и окружающих. А поскольку именно я ее «окружала», то тетя Мила не упускала случая, чтобы подсунуть мне брошюрку о каком-нибудь наиболее мод-

ном в этом сезоне способе самолечения. В дело шло все – от цветков чертополоха до выжимки из испражнений серых скандинавских крыс.

Уж и не знаю, как тетушка, с решимостью камикадзе пробовавшая на себе все эти новоизобретенные методики, не угробила себя окончательно...

Честно говоря, в этот день мне тоже было как-то не по себе. Но я привыкла не обращать внимания на свои ощущения – разве что четко отделять голос интуиции от сложного клубка эмоциональных состояний, столь характерных для женщины. Но именно этому нас и учили несколько лет, и я впоследствии всегда справлялась с этой непосильной для так называемого слабого пола задачей – отделить голос эмоций от голоса интуиции, был у нас в отряде «Сигма» такой специальный тренинг.

Так что сегодня я решила наплевать на все проходящие обстоятельства, в том числе и на магнитную бурю, которая якобы бушевала вокруг да около. Мало ли что там снаружи бушует... Неужели и на работу из-за этого не ходить? Нет уж, нет уж, не будем ждать милостей от природы, нам и буря не помеха.

Машинально я заглянула в гороскоп. Там для Дев – а я принадлежу именно к этому знаку зодиака – ничего хорошего не светило.

Оставайтесь, мол, дома, лежите на диванчике и кушайте печенье. Никакой деловой активности, упаси Боже, никаких ответственных поездок и важных встреч.

Впрочем, гороскоп в другой газете – кстати, конкурирующей с первой – предсказывал максимальную творческую активность, полезность длительного пребывания на воздухе и сулил неожиданные выигрыши в лотерею. Для пущей убедительности как раз под прогнозом гороскописта был напечатан двухцветный лотерейный талон от какого-то автомобильного салона – приходите, мол, и выигрывайте.

Я оделась в неброский серый костюм, на ноги – потертые туфли почти без каблучков – вдруг придется бежать? Да еще неизвестно по какой местности – ведь Довженко не уточнил расположения объектов.

Волосы уложила в хвост, чтобы не загоразивали периферийное зрение.

Нацепила на нос очки с квадратной оправой – боковая поверхность представляла собой миниатюрную систему зеркал, позволяющую видеть то, что происходит за спиной; изображение подавалось на полузатемненные линзы с помощью переключения кнопок, расположенных на дужке. Человек будто бы поправляет очки средним пальцем – жест, не вызывающий никакого подозрения, а на самом деле получает транслирующееся на стекла изображение пространства у него за плечами.

Вынув из шкафа спрятанный под бельем миниатюрный газовый пистолетик, взвесила его на ладони и, подумав немного, сунула обратно.

Взяла с собой небольшую сумочку, в которую умяла два носовых платка, однозарядную тушь для ресниц, прячущую в своем цилиндрике пулю со смещенным центром тяжести, флакончик «Шанели» (нервно-паралитический аэрозоль), блокнот (на самом деле – прямоугольничек пластика в плексигласовой обложке с веселым Микки-Маусом; торчащий наружу колпачок, якобы вложенной туда авторучки, служил детонатором), губную помаду двух цветов в одном колпачке и мощную шашку, обеспечивающую плотную дымовую завесу – стоило только сдернуть оболочку и привести кругляшок в соприкосновение с воздухом. Пожалуй, этого будет достаточно – и просто для женщины, и для бывшего спецагента, идущего на задание.

Бросив на себя контрольный взгляд в зеркало, я собралась с духом и вышла из дома.

* * *

Кафе «Ястреб», куда я попадаю уже третий раз за эти два дня, открылось час назад. Посетителей почти не было, и плечистая фигура Довженко одиноко маячила на фоне дальнего окна в глубине зала.

Увидев меня, он тотчас же поднялся из-за стола, бросив недоеденный сандвич с креветками в фарфоровую тарелку, на ходу допил остывший кофе, поставил стаканчик на стойку у входа и заспешил ко мне. Похоже, совместного завтрака перед ответственной операцией не предполагалось.

– Надеюсь, вы перекусили? – бросил Довженко на ходу, явно не собираясь выслушивать ответ. – Моя машина припаркована с торца здания, там, где пожарная лестница. Надо торопиться.

Бросив крупную купюру подбежавшему со счетом официанту, Василий Иванович заспешил к выходу. Уже снаружи он соизволил меня оглядеть и недовольно хмыкнул. Похоже, клиент остался недоволен моим внешним видом. Интересно, что же он ожидал узреть? Прикид от покойника Версаче или обмундирование цвета хаки?

Завернув за угол, Довженко тихо чертыхнулся. Какие-то великовозрастные детки на роликах сновали в непосредственной близости от его серого автомобиля.

Бросив на меня озабоченный взгляд, Василий Иванович достал из кармана ключи с брелоком и пугнул ребятишек электронным сторожем, – сирена запищала, и ребята метнулись в разные стороны, рассекая своими кругляшками потрескавшийся асфальт.

– Не люблю, когда мельтешат, – заворчал Довженко, отпирая автомобиль.

Мы забрались в потрепанную «Мазду» и отправились в путь. Клиент был за рулем, я на заднем сиденье. Машина двигалась к южной окраине города, буравя фарами начинающий редеть туман.

Когда мы миновали обелиск с надписью в три слова, знаменующий границу городской черты, машина круто свернула налево и, вильнув два раза по засыпанной щебенкой дороге, притормозила у симпатичного двухэтажного здания, крытого красной черепицей.

Вывеска на распахнутых воротах, равно как и на самом здании, отсутствовала. По внешнему виду строение напоминало охотничий домик какого-нибудь «нового русского». Наверное, постройка была еще советских времен, а новый хозяин, выкупив ее, немного подремонтировал и приспособил для своих новых русских нужд.

Из невысокой трубы подымалась к небу струйка коричневого дымка, тут же разрываемая в клочья ветром. Похоже, нас ожидали. Входная дверь была полуоткрыта, но тем не менее на крыльцо никто не вышел.

Довженко посигналил, но его призыв то ли не был услышан, то ли хозяин не соизволил обратить на звуковой сигнал внимания.

– Ждите меня здесь, – приказал Довженко, с недовольным видом выходя из машины.

– Я должна охранять вас или ваш груз? – уточнила я. – Если вас, то мне нужно быть рядом с вами. Если груз, то вы получите его на руки тоже не в моем присутствии, и с ним может что-то случиться, пока вы будете возвращаться к автомобилю.

– Резонно, – сплюнул Василий Иванович. – Вылезайте. Пойдете вместе со мной.

Немного задержавшись возле двери и, может, кто откликнется, на всякий случай дернув шнурок звонка с разноцветными кисточками, Довженко раздраженно пожал плечами, распахнул дверь и вошел в дом. Я старалась держаться рядом с ним и шмыгнула следом.

В коридоре тоже никого не оказалось. Василий Иванович беспомощно оглянулся, бросил взгляд на часы и тихо выматерился.

– Вот и доверяй чужой пунктуальности! – пробормотал он себе под нос после порции крепких ругательств. – Теперь все может сорваться!

Я предложила осмотреть дом. Довженко тотчас же согласился, на этот раз позволив мне идти впереди. Должно быть, «запах опасности», разлитый в воздухе этого дома, заставил его быть крайне осторожным.

Мы направились по коридору, змеившемуся в глубь здания. Узкий вход, казалось, намеренно спроектированный так, чтобы вызвать контраст с просторным холлом, был довольно серьезным испытанием – дело в том, что проход в жилые помещения располагался в самом конце коридора, а боковые двери отсутствовали.

Идеальное, кстати сказать, место для неожиданного нападения – захлопнуть входную дверь и вмазать автоматной очередью из двери, к которой мы приближаемся. Тут даже дымовая шашка не поможет...

Каждый шаг по полутемному пространству давался с трудом. Половицы издевательски поскрипывали, сигнализируя о нашем продвижении, из-за стены слышался то нарастающий шорох, то какие-то вздохи, то тихий плач. Наконец весь путь был преодолен, и перед нами возникла новая дверь, тоже не запертая, как и входная.

– Открывайте! – нервным голосом приказал Довженко. Его прерывистое дыхание обжигало мне шею, настолько близко он стоял.

Я толкнула дверь и оказалась в просторном прохладном помещении с пыльными пальмами в кадках по углам и огромным цветным телевизором в центре. Перед телевизором стояло несколько кресел. Возле широкого окна располагался напольный аквариум, в мутной воде которого вяло трепыхалось несколько невзрачных рыбок, сгруппировавшихся возле искусственной коряги.

И снова – ни души.

– Может, позвать? – нерешительно произнес Довженко и, откашлявшись, закричал: – Эй! Есть в этой богадельне кто-нибудь?

В ответ послышались шаги.

Ловко замаскированная под панель дверь отворилась, и перед нами предстал лысоватый человечек в клетчатом костюме. Со зрением у него были явные нелады – толстые стекла очков делали его одновременно похожим на рыбу с выпученными глазами и на Надежду Константиновну Крупскую. Он взглянул в Довженко, перевел взгляд на меня и, понимающе кивнув, снова исчез.

Через минуту он появился снова, держа в руках коробку испанского печенья.

Глава 2

– Это вам, – проговорил он, передавая коробку. – Нора просила...

– Обойдемся без подробностей, – сухо произнес Василий Иванович, грубо вырывая у него из рук сине-черную пачку «Гранады».

Человек удивленно посмотрел на Довженко, но не стал спорить.

– Тогда все, – развел он руками. – Приятного, так сказать, аппетита.

Владелец печенья, не попрощавшись, нырнул в скрытое от посторонних глаз пространство потайной комнаты. Дверь, тихо скользнув, вернулась в пазы.

– Работнички... – недовольно покачал головой Василий Иванович. – Ходишь тут, орешь... А вдруг какой-нибудь левый кадр появится? Никакого контроля. Будь моя воля, я бы... Да ладно, теперь уже все равно.

Похоже, Довженко изрядно переволновался. С его лица стекали на воротник крупные капли пота. Но удачно прошедший первый этап операции вернул ему бодрость. Василий Иванович расправил плечи и, сделав мне знак следовать за ним, направился к выходу в коридор.

Насчет «никакого контроля» Довженко явно преувеличивал, вернее, преуменьшал.

В комнате, которую мы только что покинули, я заметила аж четыре прибора наблюдения, фиксирующих каждый наш шаг. Наверняка в коридоре тоже были установлены соответствующие механизмы ночного видения.

В таком случае полутьма в этом аппендиксе была на руку таинственному владельцу здания – непрошенный гость движется в потемках, в то время как за его перемещениями зорко следят чуткие приборы.

Мы покинули загадочный дом без особых приключений. Разве что входная дверь, когда мы вышли на крыльцо, сама захлопнулась за нами, как будто на ставке дворецкого в этом здании работал призрак.

Подойдя к «Мазде», Довженко обнаружил, что левый «дворник» прижимает к лобовому стеклу розовую бумажку – в западных кинофильмах на таком месте обычно оставляют квитанции со штрафом за неправильную парковку. Вырвав записку из-под резиновой полоски, Василий Иванович прочитал ее, на секунду задумался, потом скомкал в шарик и запульнул его щелчком в кусты.

– Все, поехали, – скомандовал он. – У нас еще впереди много чего интересного...

Когда «Мазда» Довженко выезжала за ворота, ей уступил дорогу белый «шестисотый» «Мерседес», явно продвигавшийся в том же направлении.

Василий Иванович не обратил на машину никакого внимания, разве что сбавил скорость, стараясь не задеть столь неприспособленного к нашим дорогам «крокодила». Я заметила, что стекла «мерса» задернуты занавесочками, одну из которых осторожно раздвигает рука с платиновой змейкой, увенчанной изумрудной короной, на безымянном пальце.

Лица мне разглядеть не удалось. «Мазда», аккуратно вывернувшись, рванула по щебенке, как будто за нами устремилась погоня, а выехав на шоссе, Довженко выжал скорость до ста километров.

– Нас оштрафуют, – меланхолично произнесла я, высматривая на подъезде к городу высокую будку ГАИ. – У вас права сколько раз отбирали?

Довженко только хмыкнул и, за несколько метров до поста сбавив темп, прокатил мимо будки с черепашьей скоростью. Как только миновал ее, он снова нажал на газ и не отрывал ногу от педали, пока мы не выскочили на центральные улицы с оживленным движением.

Еще несколько минут петляния по магистралям, и вот впереди блеснула полоска реки.

Сосредоточенный Довженко смотрел прямо перед собой, изредка бросая взгляд в зеркальце – нет ли «хвоста». Но если хвост и был, то наблюдатели меняли машины несколько

раз. Я заметила, что сначала за нами трусил мотоцикл, потом дважды мелькнула на поворотах «Волга». Вроде бы все. Во всяком случае, явного преследования не было. Если нас кто-то и вел, то делал это очень тактично и аккуратно, не привлекая к себе внимания.

Строение в районе набережной – объект номер три – оказалось обыкновенной гостиницей. Ну, не совсем, конечно, обыкновенной, по меркам провинциального города. Две-две с половиной звездочки как минимум. Но выстроенный недавно турками отель в зеленой зоне недалеко от центра быстро стал серьезным конкурентом. Отсюда неизбежно пустовавшие номера и сдача таковых в аренду.

Довженко не стал отгонять автомобиль на стоянку, он бросил свою «Мазду» возле входа и, протянув сотенную купюру подскочившему швейцару, сквозь зубы попросил «окатить свою малышку теплым душем».

Швейцар вопросительно посмотрел на меня, кумекая, что бы могла значить фраза клиента, но, когда я ткнула недогадливому служителю пальцем в автомобиль, он весело закивал и начал тотчас же вызванивать парней с парковки.

В холле гостиницы толкались какие-то подозрительные кавказские личности с чемоданами.

Возле лифта в холле тоже толпился народ, окружавший пару молодоженов – прыщавую беременную девицу с огромным букетом красных роз и сосредоточенного парня с татуировками на правой руке.

Я решила, что нам безопаснее будет пройти по лестнице, и, не без труда продравшись сквозь вспышки фотоаппаратов и шумную компанию, распивавшую шампанское пополам с водкой прямо в холле, мы быстро поднялись по мраморным ступеням на третий этаж.

Довженко все это время, словно месячного младенца, прижимал к груди коробку из-под испанского печенья, держа сей предмет обеими руками. Даже нашаривая в кармане ключ, он не выпускал из рук свою «Гранаду».

Быстро войдя в номер, он сразу же подбежал к сейфу – тайник был спрятан за картиной над искусственным камином – и, только лишь заперев свой сверхценный груз, рухнул в кресло и тяжело выдохнул:

– Все-е-е...

Нацедив в стакан из сифона газировки, он выпил содержимое одним глотком, а потом окатил себя струей шипучей воды и весело рассмеялся.

– Господи, как все просто... Ну, Женя, ты была молодцом. Хотя...

«Неужели не заплатит?» – мрачно подумала я, стоя возле его кресла.

– ...в общем-то, ничего не произошло, – поджав губы, продолжил Довженко.

«Сейчас произойдет, жадюга, – мысленно пообещала я, нашаривая незаметно в сумочке флакончик из-под „Шанели“. – Хорошая доза нервно-паралитического аэрозоля, вот что ты у меня получишь!»

– Но, – снова словно бы прочитав мои мысли, спохватился Довженко, – наверняка ничего не произошло именно потому, что вы были рядом.

Он достал из кармана пачку сто долларовых, стянутую резинкой, и протянул мне.

– А сейчас вам пора, – проговорил он, глянув на часы. – О, да вам давным-давно пора! Ну-ка быстренько выметайтесь! Я звякну как-нибудь...

Последнюю фразу он произнес уже вполне отсутствующим голосом. Его мысли теперь были явно направлены на предстоящую встречу с кем-то.

Я даже слегка обрадовалась, что рябой Василий Иванович не стал сразу же клеиться ко мне, и, забрав деньги, вышла из номера.

Лифта долго не было, и я снова воспользовалась лестницей. Когда я спустилась на один пролет, до меня донесся звук разъезжающихся створок лифта на третьем этаже, а потом тихие шаги по коридору.

Я невольно остановилась и прислушалась. Впрочем, какое мне дело до проблем Василия Ивановича Довженко с его испанским печеньем?!

Ведь он ясно сказал мне: «Ваша работа будет закончена, когда груз уляжется в сейф». Так что я могу тратить полученный гонорар с чистой совестью.

Что я и принялась делать с удвоенной энергией весь остаток дня.

* * *

Едва я зашла домой, с трудом втискивая в дверь коробки с новыми видеокассетами, свертки с одеждой и кое-каким оборудованием (пришлось прикупить биперы новой модели, позволяющие «читать» чужие разговоры с расстояния до пяти километров), как сразу же зазвонил телефон. Казалось, аппарат поджидал, когда я открою дверь.

Но нет, кто-то меня разыскивал всю вторую половину дня! Любопытно...

– Каждые полчаса звонил приятный мужской голос, – успела сообщить мне тетя, пока я, свалив свою поклажу в прихожей, бежала к «Панасонику».

Звонил Симбирцев – я поняла это еще до того, как сняла трубку – на табло высветился номер моего бывшего босса, а теперь – просто приятеля.

– Алло?

– Господи, ты жива! – выдохнул Симбирцев. – Я уж думал, что и тебя...

– Что значит «и тебя»?

– Ну как же, вместе с Довженко! – как нечто само собой разумеющееся, пояснил Симбирцев. – А трупа нет. Я прямо и не знал, что думать...

– Чьего трупа? – рявкнула я в трубку. – Что с Довженко?

– Как чьего? Твоего, разумеется, – уже успокоившись, втолковывал мне Симбирцев. – А Васю того... Двумя выстрелами. В грудь и в голову.

Я сжала губы и пододвинула к себе ногой табурет. Усевшись у телефона, включила записывающее устройство и попросила Симбирцева повторить все, что он только что произнес, внятно и четко.

– Ну какая же ты непонятливая! – зудел Симбирцев. – Васю убили в гостиничном номере. Какой-то тип вошел в абонируемый им люкс и пальнул в Васю из «браунинга». В правое легкое и в лоб для верности.

Пленка медленно крутилась, а я вспоминала звук раздвигающихся дверей лифта и тихие шаги, доносящиеся до меня, спускавшейся в это время по лестнице. Выходит, задержись я немного у лифта, столкнулась бы лицом к лицу с убийцей. Жаль, что я так поспешила!

– Что еще? – хрипло спросила я. – Какие-нибудь подробности известны?

– Да нет, ничего особенного, – теперь уже совсем обычным, спокойным голосом произнес Симбирцев. – Никаких свидетелей. Коридорная, само собой, никого не видела. Да и трудновато засекают посетителей, сейчас же гостиницы, сама знаешь – проходной двор.

Я вспомнила сутолоку в холле, брачующихся, водку с шампанским и утвердительно хмыкнула в трубку. Меня, однако, интересовала судьба коробки с печеньем «Гранада». Осталась ли она лежать в сейфе?

– Так что я за тебя ох как переволновался, – меланхолично продолжал Симбирцев. – Надеюсь, ты ни при чем во всей этой истории...

– Как ты мог подумать?!

– А что такого?! – цинично усмехнулся Симбирцев. – Всякое бывает, иной раз сам себя не узнаешь. Смотришь в зеркало и думаешь: разве ты способен на такое? И ничего, выясняется, что способен...

– Я честно выполнила свою работу, получила гонорар, и мы расстались!

– Н-да? – недоверчиво отозвался Симбирцев. – А я, грешным делом, подумал, что ты сплеховала и Васю пришили, несмотря на то, что ты сопровождала его.

– Что-что?!!

– Ты знаешь, это... Не переживай особенно. С кем не бывает... – подавил зевок Симбирцев. – Ну оплошала, ну не уберегла... Главное – что у самой руки-ноги целы. Так что не бери в голову.

– Я тебе русским языком повторяю, – начала я нервничать. – Я провела с Довженко первую половину дня и рассталась с ним только после...

А что это я, собственно, разоткровенничалась? Не верит Симбирцев – и не надо. В конце концов, какое мне дело до того, что он подумает?

Ба, Женечка! Да откуда у тебя такие жлобские мысли? А как же честь фирмы? Как же честь мундира? В переносном смысле, конечно, но все же мундира! Нет уж, я должна доказать свою правоту.

Но посвящать Симбирцева в подробности мне не очень-то хотелось. Лучше пусть поможет мне выйти на нужных людей. Раз Васю убили, так его должны и похоронить, правильно? Значит, я должна попасть на это скорбное мероприятие. И неплохо бы вместе с Симбирцевым.

– Слушай, голубчик, – сменила я тон, – мне очень неприятно, что все так произошло. По-моему, тут какая-то темная история...

– Только давай ты не будешь мне ничего рассказывать, хорошо? – попросил Симбирцев. – Знаешь, у меня от своих проблем голова пухнет.

– А я и не собираюсь ничего рассказывать, – тут же успокоила я его. – Просто давай как-нибудь пересечемся. Скажем, на похоронах Василия Ивановича. Идет?

Каким-то внутренним зрением я увидела, как Симбирцев на том конце провода пожал плечами. Наверное, я немного ясновидящая.

– Идет, – неуверенно процедил он. – Тебе, кстати, очень к лицу черное...

* * *

Хоронили Довженко на третий день. Вынос тела был назначен на два часа пополудни из городской квартиры моего покойного клиента.

Я поднималась по лестнице под руку с Симбирцевым. Мой приятель нацепил ради такого случая на свое пройдохливое лицо пристойную маску скорби и старался держаться соответствующим образом.

Народ, пришедший проводить Васю в последний путь, подобрался самый разношерстный.

Здесь были и какие-то замшелые личности запойного вида, и бесстрастные престарелые бабки в платочках с жилистыми руками, сложенными на животе, – очевидно, люди, знавшие Довженко в самую давнюю пору его жизни, в советские еще времена.

Их оттеняли суровые и деловитые люди среднего возраста, по лицам – типичные милиционеры. Очевидно, сослуживцы пришли проститься с бывшим коллегой. Этот контингент держался скученно, в лишние разговоры не вступал, хотя, если требовалась помощь – принести стулья, убрать мебель с дороги, – немедленно включался в процесс.

Наконец, самый пестрый вид имела довольно многочисленная группа молодых девиц, одетых подчеркнуто просто, даже подчас чересчур – ну кто сейчас носит такие шерстяные кофточки с костяными пуговицами? Можно подумать, что в моду вошла одежда времен фильма «Я шагаю по Москве». Мне даже показалось, что девочки решили замаскироваться, но чуточку переборщили, перетряхивая сундуки родственников и выживая оттуда траченную молью одежду.

А вот и мой знакомый! Хорошо, что сегодня я уложила волосы по-другому и чуть завила челку. Да и косметика была подобрана в тон платью – строгие, темные тона. Человек, который видел меня всего один раз, не узнал бы меня, по крайней мере с первого взгляда. Тем более если у него нелады со зрением...

Персонаж в очках с квадратными стеклами стоял в отдалении с двумя женщинами маленького роста, почти лилипутками. Обе были в одинаковых черных платочках с кружавчиками, из-под которых у одной выбивалась темная, как воронье крыло, прядь, а у другой торчал завиток волос, безжалостно выбеленных гидроперитом.

Вдова сидела возле гроба в окружении родственников. Полная дама, немного похожая на Вупи Голдберг в негативном варианте, держалась чинно, без истерик, но было заметно, что горе подкосило ее не на шутку.

И лишь один раз за весь день ее лицо изменилось. Это произошло в тот момент, когда к вдове Довженко приблизилась высокая красивая женщина, подъехавшая за пять минут до выноса тела.

Дама была, что называется, «утренний сон подростка» – лет тридцати пяти, в прикиде популярного в этом сезоне стиля «гестапо» – все черное и обтягивающее с головы до ног, кажется, от Тьерри Мюглера. Я затруднилась определить даже приблизительную стоимость туалета, наверняка он равнялся стоимости ее же «Мерседеса», с трудом протиснувшегося в узкие ворота довженковского двора. Впрочем, накидка, покрывавшая плечи дамы, как мне показалось, стоила еще дороже. И не спрашивайте меня, почему показалось, все равно не отвечу. Просто так чувствую – и все.

При виде этой персоны вдова Довженко как-то сразу подобралась, съежилась и в секунду растеряла весь свой магнетизм центра ситуации. Все смотрели в этот момент на вновь прибывшую красавицу в черном, сама она немигающим взглядом уставилась в глаза вдове, а госпожа Довженко старалась не смотреть вообще никуда, и ее глаза бегали из угла в угол комнаты, как попавшие в ловушку кролики.

Не сказав ни слова, дама открыла сумочку, достала оттуда толстую пачку крупных купюр и протянула ее Довженко. Та взяла и уже собиралась что-то сказать, но незнакомка отрицательно покачала головой и так же молча удалилась. Я не преминула заметить на ее пальце платиновое кольцо с изумрудной змейкой. Сколько интересных персон собралось на похороны рябого Васи!

– Это кто? – сквозь зубы поинтересовалась я у Симбирцева, кивая подбородком вслед даме, удаляющейся среди почтительно расступившейся публики.

– Это? Первая жена Васьки, – со смешком ответил Симбирцев. – Сейчас она, конечно, на все «пять», но, когда они поженились, поверишь ли, глаз остановить было не на чем. Да-а, я всегда говорил, что чем старше, тем лучше. И чего некоторые мужики находят хорошенького в сопливых девчонках? С ними даже и поговорить не о чем. Вынь да положь, и чтоб не особо приставал...

– Ага, – рассеянно кивнула я. – А чего же они развелись-то?

– О-о, – протянул Симбирцев, – это целая история. Жанка – ну, Васькина первая жена – была филологиней. Романо-германский, все такое. Работала переводчицей в каком-то институте. А Васька после армии в ментовку подался и, надо сказать, быстро продвинулся.

Симбирцев не успел досказать. Катафалк уже подъехал, похоронная бригада явно спешила и действовала чуть быстрее, чем следовало.

На прощание во дворе – гроб установили на табуретках – ушло от силы минут пять. Наверняка рабочие похоронной конторы управились бы и быстрее, но им все равно пришлось бы ждать, пока катафалк выедет из ворот, чтобы дать дорогу «Мерседесу» Жанны.

Первая жена Василия Ивановича Довженко, кажется, даже не посмотрела на гроб. Вручив деньги вдове, Жанна быстро села в машину, и хоронили моего клиента уже без участия дамы с платиновым перстнем.

* * *

– Леня Симбирцев говорил мне, что вы встречались с Васей в тот роковой день, – низким прокуренным голосом проговорила Вера Ефимовна Довженко.

Я кивнула.

Сидя в кресле перед вдовой своего бывшего клиента на следующий после похорон день, я чувствовала себя неловко: ведь Симбирцев так и не поверил до конца, что я не могла предотвратить смерть Довженко, поскольку в этот момент меня уже просто не было рядом. Симбирцев думал, что я что-то скрываю, и предпочитал не вдаваться в подробности, оставив их на моей совести.

Как ни странно, он воспринимал возможность подобного поворота дела как нечто само собой разумеющееся, и его отношение ко мне отнюдь не изменилось.

Но мне от этого было не легче, и я твердо пообещала себе разобраться в перипетиях гибели моего клиента и доказать – и Симбирцеву, и самой себе, – что мое профессиональное достоинство по-прежнему вне подозрений. Сознывая всю двусмысленность своего положения, я взялась за расследование.

После похорон (но перед поминками, так как русский народ подчас позволяет себе за поминальным столом как следует расслабиться, чтобы снять напряг) я попросила Симбирцева представить меня вдове и попросить о визите. Мне достаточно было сказать, что я выполняла конфиденциальное поручение ее покойного супруга, и Вера Ефимовна тут же назначила встречу на вторую половину следующего дня – с утра она намеревалась вновь посетить кладбище.

– Вы можете рассказать, в чем состояло ваше... э-э... поручение? – осторожно осведомилась Вера Ефимовна. – Я понимаю, что вопрос щекотливый, но не исключено, что вы могли бы пролить свет на некоторые обстоятельства. Дело, сами понимаете, какое...

Я снова утвердительно кивнула и, попросив разрешения закурить – Вера Ефимовна тут же пододвинула мне одну из многочисленных пепельниц, стоявших по разным углам квартиры, – сказала:

– Я сопровождала груз. Маленький такой груз. Нечто, уместившееся в коробку из-под испанского печенья. Знаете, такие пачки книжного формата? Сейчас ими все мини-маркеты завалены.

– Да-да, – произнесла Вера Ефимовна, внимательно меня слушая. – Я купила как-то раз. Не понравилось. Слишком много красителей.

Вдова Довженко была одета в старомодное темно-коричневое платье с широким черным поясом. На ее шее при каждом повороте головы моталась толстая нитка крупных жемчужин в два ряда.

Приглядевшись, я заметила некоторый допустимый для траура минимум косметики – слой пудры был уложен не очень ровно – и, не без удивления, – завивку. Могу поклясться, что вчера ее волосы были прямыми, так что Вера Ефимовна явно заглянула в парикмахерскую либо по пути на кладбище, либо после посещения свежей могилы супруга. Любой из этих вариантов был для меня весьма показательным – на самом деле Довженко не так уж скорбит об усопшем-убиенном, как следовало бы. А значит... Что именно это значит, мне и предстояло выяснить в ходе расследования. Может быть, у несчастной вдовы нервный срыв, и с ней вообще лучше сейчас не разговаривать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.